

ОНИ ПОД ЗАПРЕТОМ

АЛАЙНА САЛАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С16

Салах, Алайна.

С16 Они под запретом / Салах Алайна. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-17-161895-7

Целый месяц... Целых тридцать дней с того рокового момента, когда, кажется, я потеряла всё. Я даже не представляла, что до сих пор живу в подростковых иллюзиях.

Поцелуй с Данилом, озлобленный взгляд Арсения, плачущая Луиза... Всё произошло так внезапно, и я не знаю, как справиться со всем этим. Но в одном я теперь точно уверена — мне нужен Арсений! Как я могла не понимать, что это лучший мужчина на свете?

Отныне я всё беру в свои руки — Арсений будет моим, а с Луизой мы снова станем лучшими подругами. Ведь ближе и роднее, чем эти люди, у меня больше никого нет. Я обрету своё истинное счастье во что бы то ни стало!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161895-7 © ООО «Издательство АСТ», 2024.

— И ещё вон ту, со шпинатом, — я указываю продавщице на нижнюю полку прилавка, где на коричневом пергаменте лежат румяные слойки.

Девушка берётся за щипцы, а я начинаю шарить по дну сумки в поисках кошелька. Вытаскиваю его, но тут же неловко роняю. Женщина в очереди за мной нетерпеливо переступает с ноги на ногу, демонстрируя раздражение. Виногато ей улыбнувшись, я тянусь к полу и немедленно застываю. Потому что в противоположном конце зала вижу Луизу.

Сестра сидит за нашим обычным столиком, перед ней — чашка кофе и её любимый круассан. Мы с ней часто встречались здесь раньше. Мне нужно было помнить об этом, когда я решила зайти в эту кофейню.

Луиза меня заметила — её глаза устремлены в мою сторону. Ещё месяц назад она бы широко улыбнулась и крикнула: «Аин, давай сюда!» Сейчас же просто кивает.

Я настолько сражена нашей встречей, что забываю и про кошелёк, и про слойку. Только недо-

вольный вздох за спиной напоминает мне о цели визита. В прострации я протягиваю продавщице нужную купюру, сгребая в дрожащий кулак пакет и разворачиваюсь.

— Девушка, заберите сдачу, — доносится мне вслед.

Я мотаю головой. Сдача не важна. Сейчас вообще всё потеряло важность, кроме желания выскокить отсюда и спрятаться в стенах своей квартиры, как я делала это последние три недели. Так легко: миновать стеклянную дверь под жизнерадостный перезвон колокольчиков и дать себе ещё пару дней отсрочки. Останавливает лишь то, что Луиза по-прежнему на меня смотрит. Поэтому я иду к ней.

— Привет. — Я сжимаю пакет так сильно, что бумага под ногтями рвётся. — Ты... как ты?

Луиза осталась всё той же Луизой: стильно одетая блондинка с безупречно красивым лицом. Правда, сейчас в ней нет того эффектного лоска, благодаря которому её можно было безошибочно отнести к столичной элите. Возможно, из-за отсутствия макияжа и из-за волос, забранных в не самый аккуратный пучок.

— Привет. Я в порядке. — Она кивает на соседний стул. — Присаживайся, если хочешь.

Я ёжусь сильнее. В её голосе нет упрёка или злости, но он бесцветный, чужой. Отчасти поэтому я ей не звонила. Боялась, что всё будет именно так. Луиза даст понять, что как раньше у нас больше не будет.

Поставив пакет на стол, я сажусь. Смотреть ей в глаза сложно, поэтому я разглядываю логотип кофейни на её чашке.

— Как дела у вас? У папы... и... — Произносить его имя сложно, но и не спросить про него я не могу. Больше называть некого. — У Арсения.

— Арс как всегда в работе. — Луиза смотрит на меня новым, непривычно закрытым взглядом. — Папа дома, на постельном режиме. Ты, скорее всего, не в курсе. У него случился второй инсульт.

Я забываю, как дышать. Лицо Луизы мутнеет, а потом вдруг, наоборот, видится предельно чётким. Под её глазами залегли отпечатки усталости. У отчима случился второй инсульт.

— Как он? — хрипло вырывается из меня. — Я не знала... Если бы знала, я бы...

— В порядке. Всё случилось на работе, поэтому скорая быстро примчалась. Теперь он относится к назначениям врача гораздо серьёзнее. — Луиза подносит чашку к губам и делает глоток. Возвращает её на стол, смотрит на меня. — Я тебе звонила.

Только сейчас в её тоне появились ноты личного. Кажется, это упрёк.

Мне хочется осесть под стол, спрятаться от прямоты её взгляда. Отчаянно хочется найти себе оправдание, разозлиться на то, что никто из них не поставил в известность меня. Не получается. Потому что Луиза действительно мне звонила. Это я, струсив, не взяла трубку. Мне казалось, что я ещё не готова слышать обвинения.

— Прости. — Мои губы начинают дрожать. Какая сейчас разница? Разве есть смысл пытаться держать лицо? У отчима случился второй инсульт. Он мог умереть, а я могла пропустить его

похороны из-за своей трусости. — Я могу его навестить?

— Можешь, конечно. Завтра Вова Радкевич с семьёй приедет на ужин. Если хочешь, приезжай с ними.

— Я приеду, — быстро киваю ещё до того, как осознать, что означает присутствие Володи. Радкевич дружен с Луизой, но не настолько, чтобы приезжать в Одинцово на семейные ужины. Значит, там будет Арсений.

Его образ как по команде вспыхивает перед глазами в тысячный раз за последние несколько недель, а сердце, как и всегда, начинает стучать громко и сбивчиво. Арсений. Вот он сидит за столом, беседуя с отцом, усмехается бесконечной болтовне Луизы, смотрит на меня, изогнув бровь в насмешливом «Ты серьёзно?», спрашивает о чём-то Даню.

Даня. Недавнее прошлое, вырвавшееся из-под контроля воображения, ранит. Потому что Данила за тем столом больше не будет.

— А что ему можно? В смысле Петру. Я что-нибудь куплю.

Я и без ответов Луизы знаю, что можно, а что нельзя отчим. После его первого приступа я выучила список разрешённых продуктов наизусть. Мне просто хочется поддержать разговор, показать, что, несмотря на случившееся и моё молчание, я совсем не равнодушна к их семье. Потому что, вопреки всему, всё ещё считаю её своей.

— У папы всё есть, — всё так же бесцветно произносит Луиза. — Но, если непременно хо-

чешь что-то привезти, меню ты наверняка помнишь.

Я киваю. Как ни горько признавать, реверансов в мою сторону сестра делать не собирается. Пожалуй, мне было бы проще, если бы Луиза на меня открыто злилась. Тогда бы у меня появился повод встать в оборонительную позицию и напомнить себе, что с Данилом у меня по-прежнему ничего нет, а те неосторожные слова были сказаны мной случайно. Но Луиза не злится и задеть меня не пытается, лишь ведёт себя отчуждённо. Против отчуждённости у меня нет оружия, поэтому она ранит сильнее. Я ведь привыкла считать нас подругами.

— Ну а что путешествие? Теперь, наверное, придётся отложить?

— Из-за папиной болезни перенесли на октябрь. Полетим в Израиль. Там климат подходящий.

Луиза допивает кофе и отодвигает от себя тарелку с нетронутым круассаном. Мне хочется верить, что не по моей вине она потеряла аппетит.

— Прости... — шепчу я, пряча под стол руки. — За то, что пропала, и за Данила. У нас с ним ничего нет. Я его не видела очень давно.

Луиза ставит на колени сумку и, опустив глаза, начинает в ней рыться. На меня она не смотрит. Кажется, специально.

— Это уже не имеет значения. Приезжай завтра. Папе будет приятно.

В груди завязывается тугой узел, хочется плакать. А действительно ли Пётр захочет меня ви-

деть? Он знает о том, что Данил бросил его единственную дочь, обозначив причиной меня?

— Папа не в курсе, — будто подслушав мои мысли, произносит Луиза. Кладёт на стол купюру и поднимается. — Ему не нужно знать.

Мне тоже нужно подняться. У меня нет недопитого кофе и неоплаченного счёта, только пакет с дурацкой слойкой. Но я продолжаю сидеть.

— Тогда увидимся завтра? — слабо улыбаюсь я сестре.

— До завтра. — Перекинув сумку через плечо, Луиза делает шаг в сторону выхода, но потом вдруг резко останавливается. — Ты с Арсом успела замутить?

Во второй раз за последние несколько минут мне хочется уйти под землю. Арсений что-то о нас говорил? Или кто-то ей рассказал?

— Лиана вас видела, — голос сестры сбивается.

Я собираю в кулак всё своё мужество, чтобы удержать её взгляд. Наверное, всё выглядит жутко в её глазах. Получается, я тайно ходила на свидания с её братом, будучи влюблённой в её парня, а потом этот парень бросил её ради меня.

— Между нами всё было сложно, — отвечаю я неуверенным полусогласием.

— Теперь понятно.

— Понятно что?

Губы Луизы сочувственно кривятся. Странно, но я почти уверена, что её сочувствие адресовано не мне.

— Думаю, со временем ты и сама увидишь.

Я провожаю взглядом её узкую спину, обтянутую модной укороченной курткой, и уговариваю себя не расстраиваться. Встреча, которой я так боялась, произошла и оказалась не такой уж ужасной. С отчимом всё в порядке, и завтра я его увижу. И Арсения тоже.

Сердце неконтролируемо ускоряет ход. Почти месяц прошёл. За это время мы оба успели остыть, и нам всё ещё есть, что обсудить. Моя влюблённость никуда не делась, напротив, будто усилилась после расставания. Я думаю о нём каждый день, вижу его во снах. Вспоминаю наш секс и каждый момент, проведённый вместе. Если Арсений испытывает хотя бы половину из того, что испытываю я, мы должны попробовать. Ничего непоправимого по-прежнему не случилось.

2

— Спасибо. — Я осторожно ощупываю остриженные концы волос и улыбаюсь девушке-стилистку в отражении. — Такие мягкие и так блестят.

— Это из-за сыворотки. Для лучшего результата её нужно наносить не реже двух раз в неделю...

Выслушиваю список рекламных рекомендаций по уходу, но ни одна из них не задерживается во мне дольше секунды. Внутри пузырятся волнение и нетерпение. Теперь моя прическа в порядке, а значит я готова ехать.

За сегодняшнюю ночь я едва ли поспала более трёх часов, визуализируя долгожданную встречу в Одинцово. Обдумывала тон, которым

буду разговаривать, и то, как буду держаться. Поцелую отчима в щёку, скажу, что скучала и мне безумно жаль, что я не смогла поддержать его в нужный момент. С Луизой буду стараться вести себя так, как раньше, даже если она продолжит разговаривать со мной отчуждённо. Арсений прав: я виновата перед ней. Из-за меня ей стало больно. Я хочу вернуть наши отношения, чтобы всё стало по-прежнему. Луиза ведь для меня больше чем подруга. Я привыкла считать её сестрой. После моего возвращения из Лозанны она стала мне даже ближе, чем Радмила, с головой ушедшая в продвижение собственного бренда. Я обязана вернуть себе Луизу. И Арсения тоже.

Это ведь всё для него. Моя дорогая укладка и новый шёлковый топ. Вчерашняя встреча с Луизой выдрала меня из защитного вакуума, в котором я себя заперла, скрываясь от случившихся невзгод. Именно наш с ней первый разговор страшил меня больше всего. Я боялась, что в своём горе Луиза обвинит меня, усугубив тем самым боль, которую причинил мне Арсений нашей последней встречей. Переживала, что она тоже назовёт меня эгоисткой, которая недостаточно ценила нашу дружбу, и скажет, что никогда не хочет меня больше видеть. Хорошо, что этого не произошло.

В глубине души всё это время я надеялась, что Арсений мне всё-таки позвонит. Каждый раз, выходя с работы, оглядывалась по сторонам в поисках знакомой машины. Один раз, увидев чёрную «Ауди» на парковке, побежала к ней и едва не

расплакалась от разочарования, когда с водительского сиденья вышел незнакомый пузатый мужчина.

Арсений мне, конечно, не позвонил, но злиться у меня не получалось. Оглядываясь назад, я и сама стала понимать, что поступала с ним не слишком красиво. Странно, но всё это стало очевидно лишь в свете обнаружившейся любви к нему. Неожиданно стало стыдно за то, что мысленно я постоянно сравнивала его с Данилом, и за то, что постоянно искала в нём изъяны. Каждое воспоминание, связанное с ним, будто поменяло цвет и наполнилось новым смыслом. Понимается, Арсений злится за тот поцелуй с Данилом. Имеет право. Но положила руку на сердце, вернувшись назад, я бы вряд ли что-то смогла изменить. Тот поцелуй был мне необходим, чтобы попрощаться с мечтой и стать свободной. Жаль, что он имел такие последствия, но я по-прежнему верю: ничего непоправимого не произошло. Нам с ним просто нужно ещё раз поговорить.

Я расплачиваюсь с таксистом и, крепко сжав пакет с гостинцами, ступаю на знакомую асфальтированную дорожку. Синий внедорожник Володи припаркован между машинами Арсения и Луизы. В груди тоскливо скребёт. «Ягуара» Дани больше нет, и вряд ли он ещё когда-нибудь здесь появится. Так многое изменилось за столь короткое время. Даже то, что вместо радостного предвкушения от встречи я чувствую растущее напряжение. Потому что там, внутри дома, теперь тоже всё стало по-другому.

Первым я встречаю Володю. Он расхаживает по вестибюлю первого этажа, разговаривая по телефону. Я поднимаю руку в приветственном жесте и, получив в ответ расслабленную улыбку и кивок, ощущаю прилив радости. Не так всё и плохо. Радкевич ведь знал о нас с Арсением, но явно не настроен против меня. Возможно, в его глазах мы по-прежнему выглядим подходящей парой и он вообще не в курсе нашей размолвки. Арсений ведь редкий молчун.

Я прохожу в гостиную. Стол уже накрыт, но за ним сидят только Даша, жена Володи, и Луиза. Отчим расположился в кресле и разговаривает с Арсением. При взгляде на него странная эйфория напополам с волнением растекается по всему телу. Словно я выпила шот крепкого алкоголя. Какой же он красивый, и насколько мне всё в нём знакомо. Эта поза с упёртой в колено ладонью, сосредоточенный взгляд и заостренные скулы. Его волосы стали совсем короткими, а в остальном он всё тот же. Как же это правильно, что именно Арсений стал моим первым. Без сомнений, я его люблю.

Заметив меня, Пётр начинает улыбаться. Улыбка выходит странной, кривой. Левую часть его лица будто заморозили.

— Аина, — его голос звучит тепло, — проходи, пропащая душа.

Вчерашнее чувство вины — ничто в сравнении с тем, что я испытываю сейчас. В груди начинает гореть, к глазам стремительно подступают слёзы. Арсений прав: я неблагодарная. Отчим

незаслуженно мне улыбается, хотя сам мог умереть. Даже взгляд Арсения, так ощутимо коснувшийся моего лица, теряет значение в эти секунды. Я машинально киваю сестре и Даше и, стуча пятками, бегу к креслу.

— Простите меня. — Опустившись на корточки, я сжимаю ладони отчима и заглядываю ему в глаза, чтобы он мог прочесть всю глубину моего сожаления. Знаю, что ему такая сентиментальность не по душе, но не могу себе в ней отказать. Хорошо, что его ладони тёплые. Это добрый знак. — Я много работала и немного ушла в себя. Я не знала... Если бы знала, я бы обязательно примчалась.

— Хватит, хватит, Аина, — ворчит Пётр и, отдернув руку, несколько раз постукивает по моей кисти. — Одной наседки было вполне достаточно, — он мечет многозначительный взгляд в Луизу.

В ответ сестра корчит шутивную гримасу и картинно закатывает глаза.

— С тобой ни одна медсестра не справится, пап. Ты просто отвратительный пациент.

Сейчас она выглядит другой, не такой, какой была в кафе. Весёлой и беззаботной. Смотришь на неё, и кажется, будто Луиза до конца не осознает, что с её отцом случилось что-то страшное. Но это, конечно, не так. Я помню, как она себе места не находила после его первого приступа, помню её вчерашнюю молчаливую скорбь. Как я могла не заметить её влюблённости в Даню? Наверное, потому что моя собственная затмева-
ла всё.

— Привет. — Мне едва удаётся шевелить губами, когда я смотрю на Арсения. — Как твои дела?

Синие глаза смотрят на меня необычно. Я привыкла видеть в них раздражение, желание, гнев, усмешку, я даже помню, что они умеют смотреть тепло. Сейчас в них есть лишь то, что ранит меня сильнее всего. Как и Луиза, Арсений смотрит на меня с вежливым отчуждением.

— Здравствуй, Аина, — он кивает головой и переводит взгляд в гостиничный проём, где в этот момент появляется Володя Радкевич. — Ну что, садимся?

Я уговариваю себя не расстраиваться из-за того, что моя новая причёска и красивое платье, кажется, остались для Арсения незамеченными, и иду к столу. Я ведь только пришла, а у него есть веский повод для обиды. Нам нужно снова привыкнуть друг к другу, и потом всё изменится.

3

— Отец привет вам передавал, Пётр Алексеевич. Сказал, что ждёт на охоту, — Володя почтиительно улыбается отчиму, но его тон полон расслабленной весёлости. Радкевич принадлежит к тому типу людей, которые в любой компании чувствуют себя уверенно.

— Ему тоже привет, — негромко басит Пётр. — У него ведь день рождения восемнадцатого ноября?

Володя утвердительно кивает.

— А у тебя на следующей неделе, если не ошибаюсь. Четырнадцатого?

Луиза отрывает взгляд от тарелки и с беспокойством смотрит на отца.

— Память проверяю, — усмехается тот в пояснение. — Варит ещё голова, к счастью.

Я облегчённо выдыхаю. Отчим отпускает шутки и вообще ведёт себя так, как обычно. Может быть, и мышцы лица со временем придут в норму.

Мозг снова цепляется за услышанное. Выходит, у Володи день рождения в следующую субботу, и он, конечно, будет его праздновать. Воображение неумолимо пускается вскачь. Приглушённый полумрак, смех, звон бокалов, модная музыка. Я танцую, Арсений поднимается из-за стола и подходит ко мне сзади. Мы смотрим друг другу в глаза и понимаем, что обязаны попытаться снова.

Да, напоминание о том, насколько нас друг к другу тянет, было бы очень кстати. Есть ли шанс, что Радкевич решит включить меня в список гостей? Нет, я, конечно, не обижусь, если этого не случится, — он, в конце концов, друг Арсения, а не мой — но как было бы здорово получить ещё одну возможность оказаться с ним в одной компании. Арсений не может не вспомнить, чем однажды это для нас обернулось.

Однако, к моему разочарованию, разговор о дне рождения не получает продолжения, и Володя переводит тему на прошлогодний сезон охоты. И Луиза молчит. Странно. Раньше она бы не преминула расспросить его о том,

